

Ewelina Maria Kostrzewska

(Uniwersytet Łódzki, Wydział Filozoficzno-Historyczny

Katedra Historii Polski XIX wieku)

МЕЖДУ ЛИЧНЫМ ПРОСТРАНСТВОМ И ЯВНОСТЬЮ ЖИЗНИ ДВОРЯНКИ В ПОЛЬСКОМ КОРОЛЕСТВЕ НА РУБЕЖЕ XIX И XX ВЕКОВ

Быть дворянкой, помещицей в Польском Королевстве на рубеже XIX и XX веков обозначало, что женщина идентифицируется, а также все окружающие идентифицируют её по-прежнему с элитарным кругом дам из усадеб и дворцов. Одновременно же принадлежность к нему не всегда обозначала одно и то же, ибо образ дворянства того времени не был однородным. Но в случае женщин, его плотность разрушали не только диспропорции общественно-цивилизационного и имущественного положения отцов и мужей, а также типичный для помещиц штрих индивидуализма. Несмотря на эти различия, дамы из усадеб соединял общий культурный капитал с чертами андроцентризма, функционирование в патриархальной семье а также в условиях детерминированных всеобщей ситуацией страны. Сплетение тех обстоятельств предreshало о специфике повседневной жизни женщин происходящей на границе секретности и явности вписывающейся в публичное пространство.

Приватность, по мнению Барбары Клич-Ключевской, *ведёт нас к явлениям, к которым ключом являются понятия секрета, интимности, эмоции, дома, уединения и индивидуальности*¹. Эти слова ключи помогают приблизиться к выбранным аспектам представления героинь статьи. Буду присма-

¹ B. Klich-Kluczewska, „Przez dziurkę od klucza”. *Historia życia prywatnego z perspektywy źródeł publicznych*, [w:] *Rodzina – prywatność – intymność. Dzieje rodziny polskiej w kontekście europejskim. Zbiór studiów*, red. D. Kałwa, A. Walaszek, A. Żarnowska, Warszawa 2005, s. 173. Категории приватности и публичной жизни составляют предмет интердисциплинарных дискуссий современных гуманистов, которые вносят предложения разнообразного их дефинирования. Por. m.in.: B. Klich, *W poszukiwaniu nowych dróg badawczych „małej historii” – historia życia prywatnego*, „Historyka” 2001, t. 31, s. 85; W. Mędrzecki, *Intymność i sfera prywatna w życiu codziennym i obyczajach rodziny wiejskiej w XIX i w pierwszej połowie XX wieku*, [w:] *Rodzina – prywatność – intymność...*, s. 105; Z. Opacki, D. Płaza-Opacka, *Wstęp*, [w:] *Dom – spotkanie przestrzeni prywatnej i publicznej na tle przemian cywilizacyjnych XIX i XX w. Zbiór studiów*, red. Z. Opacki, D. Płaza-Opacka, Gdańsk 2008, s. 7–8.

триваться к ним в перспективе семейных взаимоотношений, на почве которых они разыскивали собственного тождества и автономии. Эта проблема побуждает к представлению, в следующем пункте домашнего жилого пространства. Оно являлось важным фактором неприкосновенности личной жизни, а также места, где отражался мир чувств и плотскости женщин в их культурном пейзаже². Следовательно надо поставить вопрос, могло быть, или бывало обнаруженным то, что закрыто за занавесом секретности.

Ответ на этот вопрос ищут в двух типах источников: в личных сообщениях, а также в публичных обсуждениях. Предполагая, что упомянутого пространства жизни дам из усадеб и дворцов невозможно отделить от взаимных отношений женщин и мужчин, с одной стороны обращаюсь к мемуарам, воспоминаниям и биографическим рассказам представительниц и представителей дворянской среды. С другой стороны на те сферы жизни смотрю через общественную публицистику, пособия, фотографии и рекламы адресованные дворянам помещенные в периодических изданиях ими подписанных. Использование такого рода извещений позволяет уловить черты личности помещиц, их менталитет, нравственные стандарты или сферы сексуальности, закрытые в образах приватности и явности жизни. Учитывая то, что личные и общественные связи дворянок Польского Королевства не ограничивались границами периода раздела Польши, стараюсь также сигнализировать эту проблему.

Дворянка в кругу семьи, то есть любовь под приватным и публичным надзором

Приватность является категорией сплетенной с буднями, что замечал также один из помещичьих публицистов, утверждая:

В серой, ежедневной жизни человек явится как будто обнажённый (...). Повседневная жизнь добывает на поверхность его маленькие подлости, его любовные желания и мысли, и несомненно найдём немало великих и восхитительных людей, которыми пренебрегает только собственная жена, ибо она лучше всех знает естественную ценность своего мужа. И у обществ и у народов есть такая собственная повседневная жизнь³.

В его метафорической обнажённости существовали также дворянки. В пространстве их усадеб и дворцов закрывались двойные сюжеты дома: здания с начерченным архитектурным силуэтом и ментального дома – террито-

² Взаимозависимость этих процессов замечают, обращающиеся иногда к историческим контекстам, создатели социологической теории воплощения. Por. J.G. Kaufmann, *Ego. Socjologia jednostki. Inna wizja człowieka i konstrukcji podmiotu*, Warszawa 2004, s. 167.

³ *O modzie. Autoreferat Józefa Langego*, „Wieś i Dwór” 1912, z. V i VI, s. 28.

рии, на которой проживало сообщество, и на которой возникали ценности важные для его существования⁴. Традиция и культура заставляли женщину соответствовать за каждое из тех открытий и сцен, приписывали ей организацию дома являющегося фундаментом приватности, а также снабжение детей интеллектуальным и духовным приданым на дальнейшую жизнь. Иногда приходилось ей также играть важную роль инициатора и покровителя семейной любви. По мнению антропологов, социологов и историков это чувство вплоть до XX столетия оставалось областью женщин изо всех общественных групп. Их любовь оказываемая своим близким, намечала границы отделяющие приватность от публичной сферы⁵.

Соответствующим для них способом делали это также помещицы. На рубеже веков в сельских усадьбах, дворах женская любовь принимала облик так разный, как место пребывания где выявлялась. Однако чувства и эмоции везде должны быть воспринимаемы женщинами как квинтэссенция женственности, что подсказывает публицистика того времени⁶. Похоже создаваемые идеальные образцы с сентиментальным и романтическим происхождением должны сделать из женщин покровительниц домашнего очага, а тем самым оставить их в приватной заперти⁷. Эти образцы с одной стороны уже не приставали к реальности, однако с другой стороны многие женщины осуществляли их на практике повседневной жизни. Каждый раз, хотя и в несколько других обстоятельствах дворянки переживали свою любовь по принципам начерченным общественными нормами, обычаями и культурой. Согласно им эмоциональное исполнение достигать могли в материнских чувствах, которым должны подчинить самоотверженную любовь к мужчине, отца их детей. Выполняя такие приказания они не были свободны от смятений, бунта и желания внутренней автономии, часто являющейся первым шагом на пути к самостоятельности. Всё-таки бывало и так, что оборона собственного я была не столько причиной, сколько результатом эмансипационных стремлений. Они часто демонстрировали эти стремления в условиях

⁴ Por. M. Markowska, *W rodzinnym kręgu*, [w:] *Polski dom*, red. W. Zin, Warszawa 1979, s. 49; A. Siciński, *O idei domu i jego roli w Polsce*, [w:] *Dom we współczesnej Polsce*. Szkice, red. P. Łukasiewicz, A. Siciński, Wrocław 1992, s. 9–10.

⁵ W. Mędrzecki, *Intymność i sfera prywatna...*, s. 108–109; B. Płonka-Syroka, *Wstęp*, [w:] *Miłość kobiety. Społeczno-kulturowe mechanizmy kreowania miłości*, *Antropologia miłości*, t. 1, red. B. Płonka-Syroka, J. Radziszewska, A. Szlagowska, Wrocław 2008, s. 11–12.

⁶ Zob. E. Kostrzewska, *Żony, matki i gospodynie. Wizerunki kreowane na lamach ziemiańskiej prasy kobiecej w Królestwie Polskim na początku XX wieku*, [w:] *Historia. Społeczeństwo. Gospodarka*, red. S. Pytlas, J. Kita, Łódź 2006, s. 157–172.

⁷ A. Żarnowska, *Prywatna sfera życia rodzinnego i zewnętrzny świat życia publicznego – bariery i przenikanie (przełom XIX i XX wieku)*, [w:] *Kobieta i świat polityki. Polska na tle porównawczym w XIX i w początkach XX wieku. Zbiór studiów*, red. A. Żarnowska i A. Szwarz, Warszawa 1994, s. 27.

перевернутой повседневной жизни, или в событиях карнавализирующих её монотонный ритм.

На этом месте можно призвать переживания зафиксированные в воспоминаниях Марии Кленевской. Описанный ею эпизод, она восприняла как один среди самых важных моментов жизни. Произошёл он в 1882 году, когда она была девятнадцатилетней – молодой же – замужней женщиной с двухлетней стажировкой. Возвращаясь к нему памятью к исходу жизни, писала:

Проводило у нас время несколько лиц из семьи – остроумно и беззаботно. Развлекались иногда за счёт событий и сравнений. За окном (...) был садик, в который ворвался избряканный телёнок (...). Тогда кто-то из них воскликнул, смотрите на этого телёнка (...) Это как Марися, которая чему-нибудь радуется и пылает от счастья, когда что-то рассказывает; а именно я только что с энтузиазмом рассказывала о каких-то успехах с детьми, которые собрались на учёбу. Этого мне было слишком, я вышла из комнаты спокойно, но тех слов не забыла⁸.

Их адресатка покинула дом полон гостей и провела день в лесном затишьи, где старалась справиться с эмоциями, а также передумать дальнейшую жизнь. В девятнадцативековой стилистике воспоминала о сопутствующей ей боязни, беспокойствию за будущее сына, о «небе плачущем дождём» над женским унижением. На почве тех эмоций переживаемых на оборотной стороне будней и протеста против им, старалась помериться силами с рождающимися тогда планами модификации собственной экзистенции. Оставались они в оппозиции к закодированному в модели воспитания изображению мира и места, какое заодно со своей любовью, должны в нём занимать женщины. Попытке нарушения созданных образцов, опираясь на общественное и семейное одобрение, сопутствовало чувство осуждения.

Боролись с ним как Кленевска так и другие дворянки бунтовщицы. В преодолении неудовлетворённых эмоциональных нужд, а также собственных стремлений, опорой становилась религия. Она была жизненным указателем, как достичь внутреннего лада. Добилась этого Мария, когда в слезах и молитве, страдании и радости также и в экзальтации, решила принять собственную женщинам судьбу жертвы и самоотверженности – назначенную материнской любовью и заботой о муже. При этом не вспоминала о любви к нему. Это чувство, похоже как у других многих дворянок, созревало в очередных годах супружества, проводимых в просторных интерьерах дворца в Ключковицах. Его свежие стены Кленевские постепенно заселяли и обустроивали, а первую в нём престижную охоту организовали в 1888 году⁹.

⁸ M. Kleniewska, *Wspomnienia*, oprac. W. Włodarczyk, Wilków 2002, s. 32–33.

⁹ Там же, s. 35.

Почти в то же время, в подскерневицком дворе Мария (из дома Лубеньская) – Горска записывала в дневнике интимные исповедания про своё тридцатилетнее супружество. Мужа она любила пламенно. Но всё-таки это не сберегло её от разочарований, и 4 мая 1889 года отмечала:

Сегодня (...) спрашиваю себя, не сделала ли я слишком много. Не то, чтоб я жалела этой тихой жизни, но у женщины не так сильно влюбленной больше есть индивидуальности, а тем более сильное влияние производит на воспитание детей¹⁰.

Эти личные исповедания дам с Любельщины и Мазовша показывают интересные следы. Эти две Марии, которые разделяла разница поколений, по другому формировали иерархию чувств, что связано было с появлением новой модели материнства, требующего сильнейшего вовлечения в воспитание детей. Горска объектом любви сделала прежде всего мужа. Минуты передышки находила в семейном и домашнем затишьи. Кленевска на первый план поставила материнскую любовь, в супружестве защищала собственную индивидуальность, ценила уединение, в которое пряталась от семейного надзора и нажима внешнего мира. Несмотря на подвержение режиму и принуждениям, искала и находила компромис, принадлежала к самой себе, переоценивала смысл и стиль собственного существования.

Не знаем, сколько помещиц предпочитало образцы олицетворяющие призванными их представительницами, но сигнализированная тенденция перемен кажется подтверждать так общественные обсуждения, как и мемуарные сообщения. Свидетельствуют они о том, что между поколениями новые образцы доходили к очередному поколению женщин вступающих во взрослую жизнь в домашнем пространстве усадеб рассеянных по бывшей Польше – в разных районах ее раздела. Вслед предшественницам собственную личность они часто открывали, а также выстраивали в необыкновенные и карнавальные дни. Зафиксировала их в записках в 1914 году Хелена Реиовна (1895 г. рожд.) – дочь помещика из Подкарпатия¹¹. Представляя краковские балы, сосредоточивающие помещиков из всех районов раздела страны, писала:

Прекрасно Сенкевич в «Семье Поланецких» пишет о женщине, что в конечном счёте она может быть только несчастливой. Мы носим счастье в себе, способствуем ему, можем иметь его всегда в образе внутреннего покоя (...). Однако Бог присматривает за нами и всем рассуживает умно¹².

¹⁰ M. z Łubieńskich Górcka, *Gdybym mniej kochała. Dziennik lat 1889–1895*, Warszawa 1996, s. 21.

¹¹ A. Szklarska-Lohmannowa, *Rey Mikołaj*, [w:] *Polski Słownik Biograficzny*, t. 31, Wrocław 1988–1989, s. 205.

¹² Эту цитату приводит в книге сотканной из биографических сюжетов и частных сообщений, внучка Хелены, опираясь на сохраняемых, карнавальных собраниях «синей тетради».

Воспитанница монастырного пансиона для девочек открывала свои чувства, ожидания верной и исполненной любви, но также взбунтованной против публичной юрисдикции среды. Воспоминая о его нажиме, замечала:

каждый отдельно создает свой мир (...). И эта свобода выбора и подбора является большим облегчением в мире этикета¹³.

Молодое поколение дам из усадеб, которого представительницей была Хелена, с одной стороны сохраняло интимность любви, победой заканчивало борьбу за собственную независимость; с другой стороны не было свободным от семейного и общественного контроля. Дворянские девы ассимилировали опыт матерей и бабушек с собственными желаниями. Присутствовали в них эха жертвенной любви. Так выглядели они в свете оценки иностранца, который и корреспонденции из Франции делился ею с польскими читателями:

Со ста лет, для великих больных детей утраченной родины полька вдвойне должна была стать матерью. Определяя местонахождение странствующего мужчины в пределах спокойной семейной жизни, присматривая за его благосостоянием и здоровьем, это она в будни старается заменить ему отчизну¹⁴.

Однако когда любовь к нему не удовлетворяла эмоциональных потребностей и кончилась печатью преданной жены – как в случае Зофии (из дому Слончинска) Колачковской (г. рожд. 1872), которая в 1915 году спасалась перед ним бегством, эмигрируя из Польского Королевства в Закопане¹⁵ – порывали с нравственным ригоризмом. Вопреки разрешению женщин на двойную мораль мужчин – они, женщины учились мастерству самостоятельной жизни.

По образцу Марии Кленевской в интимном контакте с природой искали бегства от этикета или одобряемого частью публичной оценки идеала домашней женщины. Этим желаниям способствовали молодопольские настроения, а фотографии представляющие дворянок в минуты размышлений на фоне деревенских пейзажей часто гостили на страницах печати дворянских магазинов (фот. 1). В начале XX столетия появляется в них образ женщины ищущей убежища. Для некоторых среди помещиц означало это только направиться за модной конвенцией модернизма, для других – истин-

Z. Jabłonowska-Ratajska, *Walca tańczyłam najlepiej z panien... Karnawałowe anegdoty i zwyczaje*, Warszawa 2012, s. 32.

¹³ Тамże, s. 36.

¹⁴ Marius-Ary Lebland, *O kobiecie polskiej*, „Tygodnik Ilustrowany” 1910, nr 26, s. 518.

¹⁵ T. Epszstein, *Wrona Zakopiańska. Urszula Kołaczkowska (1911–2009) – życie i twórczość*, Warszawa 2012, s. 10.

ную потребность уединения. В оценке части дворянок отстранение можно было найти в лесной глуши, для других таким местом было жилое пространство семейных усадеб.

Помещица среди движущихся стен, или строительные революции в домашнем пространстве, не всегда приватном

Архитектурная разнообразность помещичьих жилых усадеб, подтверждена десятками описаний, известных благодаря мемуарам и разработкам, не облегчает системных подходов¹⁶. Лучше обойти такую задачу, а надо сослаться на определения историков искусства, что весь XIX век кристаллизовалось направление эволюции усадеб стремившееся к повышению их комфорта а также секретности¹⁷. Эта общая тенденция была связана с цивилизационными достижениями, метаморфозами нравов, а также стремлением сохранить элитарную среду и её общественную позицию. Одним из её определителей была архитектурная форма здания, расположение и оснащение интерьера. По отношению к экономическим трудностям и расслоению помещичьей среды, эта проблема приобретает особое значение. Станислав Козицки вспоминает, что когда его отец в 1883 году с владельца имения превратился в арендатора, самым наиболее заметным, симптомом деградации стало превращение двухэтажного дома называемого дворцом в трёхкомнатный домик «под соломенной крышей»¹⁸. Тотчас же семья подверглась товарищескому острацизму. Эту ситуацию болезненно пережили родители автора: отец ответственный за материальное положение дома и мать, на которой плечах лежала забота об организации его приватного пространства. Такое разделение ролей в общем очертании выдержало по 1914 год.

Общим пространством заинтересованностей женщины и мужчины становилось стремление уловить знаки современности. На рубеже столетий, кроме технических удобств, проявлялись они выделением приватной и представительной части дома, а также реверсированием направлений их внутреннего местоположения. Передвигаемые к фасаду салоны становились визиткой престижа, а одновременно – местом встреч публичной и приватной

¹⁶ Попытки такого их описания предпринимались в ряду центров, многими авторами. Здесь можно перечислить прежде всего собрания работ келецких или люблинских сессий, а также многие компактные публикации. Т. Epsztein, *Ziemiaństwo w historiografii polskiej po 1989 r. Próba charakterystyki*, [w:] *Aktywność kulturalno-oświatowa mazowieckich ziemian w XIX i XX wieku*, red. B. Umińska, Ciechanów 2007, s. 9, 14–15.

¹⁷ E. Kowecka, *W salonie i w kuchni. Opowieść o kulturze materialnej pałaców i dworów polskich w XIX w.*, Warszawa 1984, s. 81; M.K. Schirmer, *Dwory i majątki ziemskie w okolicach Łomży. Wielka własność ziemska w powiecie łomżyńskim ze szczególnym uwzględnieniem założeń rezydencyjnych*, Warszawa 2007, s. 38, 225. Zob. też W. Molik, *Życie codzienne ziemiaństwa w Wielkopolsce w XIX i na początku XX wieku. Kultura materialna*, Poznań 1999, s. 99–183.

¹⁸ S. Kozicki, *Pamiętnik 1876–1939*, oprac. M. Mroczo, Słupsk 2009, s. 17–18, 29–30.

сферы (фот. 2). Эту последнюю закрывали в глубине здания, где прятали семейные комнаты а также хозяйственный резерв. Похожие модернизации сплетались с течением женских инициатив по организации интерьеров. Эха тех новшеств слышатся в материалах основанных на источниках, среди которых особенной популярностью пользовалось пособие Каролины Накваской, изданное в половине XIX века и на протяжении десятилетий рекомендованное читательницам¹⁹. Одновременно с эмансипационным течением эпохи, когда часть сельских дам не намеревалась уже быть исключительно бытием у боку мужа, некоторые её указания выдвигающие на первый план роль хозяина дома занимающего презентабельную часть, звучали довольно старосветски. Это не означает, что отказались от уважения этого принципа. Например в просторной усадьбе Козицких кабинет отца мемуариста поместили в фасаде здания, что отражало одинаково его позицию в патриархальной семье, как и принадлежность к публичному пространству²⁰. С течением времени комнаты хозяина и хозяйки дома часто укладывали в ряд попеременно, не соблюдая уже иерархических указаний. Таким образом не теряли актуальности призывы Накваской к сохранению чистоты и гигиены жилого пространства, а также вовлечение дворянок в его деления²¹. Многие тоже из них всё активнее включались и брали на себя строительные решения а также придавали интерьерам характер свойственный их личностям, склонностям и направлениям в моде. На рубеже веков праздновал триумф стиль аранжации внутренних помещений народным искусством, определяемый как народно-патриотический²². Заинтересованная им была также Кленевска, которой усилиям дворец в Ключковицах был обязан насыщением закопьянскими мотивами²³. Также Мария Горска увлекалась искусством и была покровительницей художников, стерегущей интимности семьи, которая жила в усадьбе модернизированной её мужем Яном и сыном Антонимом²⁴.

¹⁹ K. Nakwaska, *Dwór wiejski. Dzieło poświęcone gospodyniom polskim, przydatne i osobom w mieście mieszkającym*, t. I, wyd. II, Lipsk 1857. Por. A. Sieradzka, *Idealny dwór polski wedle Karoliny z Potockich Nakwaskiej*, [w:] *Dwór polski. Zjawisko historyczne i kulturowe. Materiały VII Seminarium zorganizowanego przez Oddział Kielecki Stowarzyszenia Historyków Sztuki i Dom Środowisk Twórczych w Kielcach, Kielce, 16–18 października 2003*, Warszawa 2004, s. 13–27.

²⁰ S. Kozicki, *Pamiętnik 1876–1939...*, s. 29.

²¹ K. Nakwaska, *Dwór wiejski...*, s. 15, 28.

²² M. Dienstl, *O styl polski*, „Wieś i Dwór” 1914, z. XVIII, s. 15–16.

²³ Мария с этой целью установила контакт со Станиславом Виткевичем. M. Kleniewska, *Wspomnienia...*, s. 34–35, 51. Zob. M. Trzewik, *Biblioteka projektu Stanisława Witkiewicza w pałacu Kleniewskich w Kluczkowicach*, [w:] *Ziemiaństwo na Lubelszczyźnie. Materiały sesji naukowej zorganizowanej w Muzeum Zamoyskich w Kozłowie 8–9 czerwca 2000*, oprac. R. Maliszewska, Kozłówka 2001, s. 169 i n.

²⁴ A. Krzyżanowski, *Dwór Górskich w Woli Pękoszewskiej*, „Wiadomości Ziemiańskie” 2009, nr 39, s. 27. Por. też. P.S. Łoś, *Ziemiaństwo społeczniczy. Z dziejów rodziny Górskich herbu Boża Wola z Woli Pękoszewskiej*, [w:] *Aktywność kulturalno-oświatowa...*, s. 102–103.

Многие помещики заботу о комфорте жилищ связывали с сочетанием браком, введением в свои усадьбы новых хозяек дома и увеличивая их со временем после рождения детей. Против такого вызова Юзеф Пщолковский, который в 1897 году венчался с Ядвигой Наревской и несколько лет спустя возле усадьбы из лиственничного дерева построил в Шостке на Подлясье новый дом, по современным правилам²⁵. Его фасадную часть занимали: салон, столовая комната, кабинеты и канцелярия. В заднем тракте разместили спальню, ванную комнату а также кухонно-хозяйственные помещения. Отдельный вход был выделен для слуг, а гостевые комнаты, школьные и служебные поместили в мансарде²⁶. Такая система дома была близкая идеала начерченного Накваской – популяризаторкой английских стандартов приватности. Можно полагать, что так запроектированный дом представлял собой источник удовлетворения хозяйки шостковской усадьбы, женщины начитанной, активной, известной тем, что вела открытый дом²⁷.

Не все помещицы обладали похожими атрибутами и не все действовали в такой же среде дружеской их автономии. На рубеже веков такие ситуации не были всеобщими, а желание достигнуть домашнего убежища, проявлялось в разных формах. Великолепно иллюстрирует эту проблему биографическая повесть Зофии Старовойской-Морстиновой (г. рожд. 1891)²⁸. Авторка под литературным именем Эмилии Забельской сделала портрет матери – Амелии из Лубенских, племянницы Марии Горской²⁹. С заметной дистанцией и тёплой иронией представила госпожу Эмилию на фоне непрерывно танцующих стен галицийской усадьбы мужа³⁰, куда перенесла семейную атмосферу корнями уходящую в бытовые традиции Королевства Польского. Вмещались в неё идеалы любви, которая для Лубенских (в романе Шубинских),

*была чем-то несдержанным, страстным, сжигающим. Ясно, что так пламенным чувством можно было любить только немного лиц. Так любила госпожа Эмилия, мужа, мать, детей*³¹.

Определяли её званием домашнего «министра финансов»³², многократно решала о перестройке дома, переданного в её руки мужем, любителем святого

²⁵ A. Latour, *Dwa dwory*, „Wiadomości Ziemiańskie” 2012, nr 52, s. 15.

²⁶ Тамże, s. 16.

²⁷ H. Melerska, *Pszczółkowski Józef*, [w:] *Ziemiańscy XX wieku. Słownik biograficzny*, cz. IV, Warszawa 1998, s. 135.

²⁸ Z. Starowieyska-Morstinowa, *Dom*, Poznań 2012.

²⁹ Мария оставалась в близких семейных отношениях с братом Витолдом, владельцем имения Засов расположенного в Галиции вблизи границы с Польским Королевством. Присутствовала также на венчании его дочери со Станиславом Старовойским, что под датой 19 октября 1890 г. записала в дневнике M. z Łubińskich Górsk, *Gdybym mniej kochała...*, s. 139.

³⁰ Z. Starowieyska-Morstinowa, *Dom...*, s. 12.

³¹ Тамże, s. 147.

³² Тамże, s. 133.

покоя. Вызывая строительные революции, руководствовалась так огромной, деспотичной любовью к мужу, прагматичными потребностями увеличивающейся семьи, как и заботой о создании имиджа общественного статуса богатства. По распоряжению этого шефа финансов, приватно-хозяйственную часть усадьбы, остававшуюся в споре с креацией её ранга, передвинули на тыл. Салонный фасад, после сношения стен, а также отказа от амфиладной двери, демонстрировали гостям. Задача спасения позиции дома и семьи – скрывание в повседневной столовой сервированной картошки с простоквашей – госпожа Эмилия реализовала мастерски. Одновременно заботливости о приватной среде не сопутствовала старательность об обеспечении приюта всем домашним. Обняты клаузулой неприкосновенности были только комнаты мужа. Хозяйка дома сделала центр командования в супружеской спальне, в которой еле заслонены шторой кровати, вопреки нравственным наказаниям эпохи, могли всё видеть все домашние и прислуги призываемые в этот специфический кабинет, исполняющий одновременно роль будуара и маленького салона – места ежедневных вечерних семейных встреч. Домашняя интимность в её индивидуальном измерении жилого пространства часто таким образом оказывалась иллюзией, а женщины потребность уединения и тишины обнаруживали бегством в мигрень, которой болела также госпожа Эмилия. Не иначе бывало во многих усадьбах Польского Королевства, где возле комнат – мест молитвы, комнат уединения или будуаров подвергающихся женской охране, можно было найти усадьбы похожи на описанную. Проявлением некоторого компромиса могло быть решение принятое в усадьбе в Стольце (вблизи Серадза), по инициативе матери Зофии из Скомпских Мужинской³³. Выделили в ней так называемые женские комнаты помещены в глубине дома, в его приватной части отделенной от публичного пространства. В усадьбе в Стольце выделили также так называемую купальную комнату прилегающую к королевству дам³⁴. Ее размещение это проявление усиливающихся с 80 лет XIX века заинтересованностей женской телесностью и приоткрыванием занавески нравственного табу.

Дворянка в купальном танге, или тело между табу и афирмацией

Танго на дворянские салоны вступило незадолго до начала I мировой войны. Однако, чтобы могло туда появиться и погостить необходимо было получить освобождение от римского папы снимающее с танца родом из «аргентинских притонов», нравственную анафему³⁵. Римский папа принял такое решение

³³ Biblioteka Narodowa, Z. ze Skąpskich Murzynowska, *Moje wspomnienia...*, sygn. akc. 13199.

³⁴ Там же, s. 2.

³⁵ J. Lemański, *Reduta*, „Wieś i Dwór” 1914, z. III, s. 12; *Tango czy furlana*, „Wieś i Dwór” 1914, z. V, s. 18–19.

после представления ему танцевальных фигур парой танцоров происходящих из итальянской аристократии, а тем самым открыл перед танго дверь балльных залов тогдашних элит.

На польском грунте спор вокруг танго овеянного атмосферой эротического скандала, вписывался в широкий контекст помешичьих прений. Противники видели в нём нарушение прежнего общественного и морального порядка. Энтузиасты подчёркивали, что гарантирует «гармонию движений и красоту линий», выходит напротив ожиданиям «человека XX века жаждущего новых побуждений»³⁶. Независимо от силы выдвигаемых аргументов в центре полемик находились проблемы телесности – жесты и позиции тела видны из перспективы взаимных отношений женщины и мужчины. Эти дискуссии сплетались с растущим на исходе XIX века изображением здоровой, телесной, плотской самостоятельной женщины. Роль её союзников исполняли открытия в области естественных наук, медицины и гигиены. Дотрагивались они наиболее интимных сфер жизни, весь XIX век закрытых в шкорлупе стыда тела и его табуизации³⁷. Сильно укоренённые в культурном коде помещиков³⁸. дисциплинировали прежде всего женщин и подчиняли их упомянутым нормам переживания любви. Запутанные в них помещицы находились на пересечении часто противоречивых ожиданий по отношению к ним, а также индивидуальных выборов.

Выдвигаемое, по случаю дискуссии на тему танго, право женщины – партнёрши танцовщика на экспозицию и экспрессию тела, переносилось на раньше уже пропагандированные новые образцы поведения. Благодаря им стыд тела всё чаще заменяли его культом, а здоровье и красота становились неразлучным дуэтом. Главный лозунг врачей звучал: в здоровом теле, здоровый дух, который как директиву всяких гигиенических советов популяризировали на страницах помещичьей прессы. На первый план выдвигали заботливость об укреплении физических сил и личной гигиены женщин, опираясь на аргументы материнской любви. Обращались к ней разъясняя помещицам выполняемую ими роль матерей. В этом контексте появлялись патриотические акценты – хорошая форма матери-польки должна была детерминировать демографический потенциал родины. Так замечал эту проблему один из тогдашних врачей-общественников:

³⁶ Nieargentyńczyk, *Tango*, „Wieś i Dwór” 1914, z. III, s. 27.

³⁷ G. Vigarello, *Czystość i brud. Higiena ciała od średniowiecza do XX wieku*, Warszawa 1996, s. 184.

³⁸ На тему корреляций проникающихся между культурой, понятием стыда тела, проблемами гигиены, и ролью элит N. Elias, *Przemiany obyczajowe w cywilizacji Zachodu*, Warszawa 1980.

*Странная вещь, как долго человечество упускало значение женщины в обществе и пользы, какой из-за ухаживания за здоровьем её духа и тела достичь можно. Развёртывание из ваты, в какую окутывали через века женщину, только теперь является занятием последних лет*³⁹.

Похожим констатациям сопутствовали требования реформы воспитания соединённые с диагнозами состояния здоровья жительниц усадеб. Подчёркивали, что одухотворённые и сосредоточенные на любви способом свойственным женщинам из элит напоминали оранжерейные цветы и не были подготовлены к реалиям жизни истекающей во время капиталистических преобразований. В столкновении с ними коренились на границе здоровья и болезни, а несчастьем деревенских дам были неврастения, депрессии, мигрены, истерии⁴⁰. У каждой из них была общественная почва и на фоне – эманципация. Эту проблему замечали дворянки и голосом матери известного писателя – Антонины Гомбровичовой объясняли способом приближенным теории воплощения.

Гомбровичова, принадлежащая к проектировщицам интимности найденной в контакте с природой, подтверждала, что разногласие между эмансипационными стремлениями женщин, и подвержением их патриархальному нажиму в приватном и публичном пространстве отражалось на форме тела, а также на психике «создавая нездоровые истерические типы»⁴¹. Их возникновению должно противодействовать прекращение «выращивания женщин – оранжерейных цветов» и выведение их из домашних теплиц на солнце и воздух, что могло способствовать реализации воображений о собственной экзистенции. С другой же стороны замечали, что помещицы по сравнению с женщинами из других общественных групп отличались здоровой кожей лица, привлекательным телом, грацией движения благодаря условиям проживания и быта, а также культуре повседневной жизни.

Женщинам исчерпанным и нервным рекомендовали рекламированный в прессе арсенал подходящих препаратов доступных благодаря развитию косметологии и фармации. Принимая во внимание адресатки, помещали рекламы снабженные заглавиями и фрагментами текстов на французском языке, на котором легче было затрагивать темы охвачены клаузулой молчания, касающиеся не только красоты и здоровья но также интимных уголков тела⁴². Легче тоже было разговаривать с читательницами о мигрени – об этом пресловутом знаке дам из общества, которая в культурном коде обозначала не только нужду уединения, но также закрытие двери спальни

³⁹ *Kobieta i sport. Według studium dr-a Hojnackiego*, „Wiś i Dwór” 1913, z. I, s. 25.

⁴⁰ Там же, s. 26.

⁴¹ A. Gombrowiczowa, *O naszych córkach*, „Świat Kobiety” 1906, nr 3/4, s. 26.

⁴² Marcele, *Moda*, „Wiś Ilustrowana” 1910, z. II, s. 57; *Comment recouvrir les forces corporelles et intellectuelles?*, „Wiś i Dwór” 1912, z. V i VI, s. 59.

перед мужчиной. Бывала также предметом мужской заинтересованности – белый компрес на лбу жены представлял отличный предлог супружеской измены. С мигренью надо было бороться находясь в покое и тишине, но её профилактика требовала физической активности и обмывания.

На рубеже веков ванны считали панацеей на все проблемы телесности, с одной всё же оговоркой. Гигиенисты старой даты обращали внимание, что тёплая вода и частое употребление ванны в уединении может представлять собой источник сексуальных побуждений⁴³. В этой ситуации компромис между соблазнами тела и его гигиеной видели в убеждении, что нагота в ванной не носит признака греха и не противоречит женскому стыду. И так с одной стороны дворянка в ванне барьер стыда поборол, с другой – могла сохранить женскую стыдливость. Этот своеобразный парадокс приближал женщин к собственной телесности, признания её ценностью самой по себе. Это самосознание перекладывалось на ритуальность ванны⁴⁴. Упомянутые уже дамы из усадьбы в Стольце сделали из неё еженедельное «торжество» отличающееся от ежедневных обмываний в больших мисках, но всегда уже в тёплой воде рекомендованной современными гигиенистами⁴⁵. Многие помещицы из усадеб лишенных водопроводов вели себя похоже, а на волнения моралистов отвечали методом доктора Кнеиппа. Бегание босиком по росе или утреннее поливание тела холодной водой, назначенное некоторыми матерями подраставшим дочерям, должно гарантировать им не только закаливание тела, но также противодействовать его беспокойствию. Такие эксперименты, часто связанные с неприятными испытаниями, появляются в сообщениях помещиц⁴⁶.

Одновременно же обзор в помещенных в дворянской прессе реклам, рисунков, фотографий кажется нарушать стереотипный образ помещиц снабженный этикеткой нравственного консерватизма. Наверное не были от него свободны, но не представляли также социологического монолита, что особенно можно было заметить накануне I мировой войны, когда надвигающаяся сексуальная революция несла новые дуновения⁴⁷. Их знаком был украшающий заглавную страницу «Деревни и Двора» образ двух привлекательных девушек в купальниках танцующих на пляже, озаглавлен «Купальное танго»⁴⁸ (фот. 3), как и помещенные в достойных дворянских магазинах рекламы препаратов делающих упругими женские груди или рекомендуя-

⁴³ G. Vigarello, *Czystość i brud...*, s. 184–186.

⁴⁴ *Pielegnowanie i zachowanie piękności*, „Wies Ilustrowana” 1910, z. IX, s. 50–51.

⁴⁵ Z. ze Skąpskich Murzynowska, *Moje wspomnienia...*, s. 3.

⁴⁶ Z. Starowieyska-Morstinowa, *Dom...*, s. 26–27.

⁴⁷ Por. *Kobieta i rewolucja obyczajowa. Społeczno-kulturowe aspekty seksualności. Wiek XIX i XX. Zbiór studiów*, red. A. Żarnowska i A. Szwarz, t. IX, Warszawa 2006.

⁴⁸ *Kąpielowe „Tango”*, „Wies i Dwór” 1914, z. XV, s. 1.

щих адреса клиник, которые занимаются корректой их формы⁴⁹. В гигиенично-косметических рубриках читательницы могли найти практические советы с ведущим лозунгом совершенствования красоты и задержания в кадре времён молодости и женской очаровательности с неукрываемым уже эротическим подтекстом. Для многих помещиц это были шокирующие слова, что не меняет неопровержимого факта, что такой опцион женственности также рекомендовали дамам из усадеб, вопросы же читательниц подтверждали заинтересованность ими. Оставаясь в течении современности, поощряли их тоже заниматься спортом⁵⁰. Возле популярного по традиции конного спорта или фехтования, достойной внимания считали: гимнастику, плавание игру в теннис или крокет и зимние спорты⁵¹. Почётным для госпожи из усадьбы также было звание Соколицы – члена женского отделения гимнастического товарищества. Его выделение в Польском Королевстве из мужской организации а также наименование «Гнездо Гражины» жительницы усадеб поддерживали по патриотическим и эмансипационным мотивам⁵². Соколица олицетворяла женский портрет современной помещицы, опираясь на гармоничное развитие духовности, интеллекта и физических сил. Они составляли противовес для модернистских тенденций увлечения болезнью, меланхолией, декадентизмом. Вместе с ними наступало перемещение внимания на женщин. Очарование ими приносило мизогинизм, а вместе с тем одобрение женственности.

Перелом XIX и XX веков вместе с заканчивающейся викторианской эпохой и напряжением цивилизационных перемен был временем общественно нравственного хаоса. Отражался он также на реальности помещицей среды Польского Королевства, а одним из его сигналов становилось проникание приватности с внешним, публичным миром. Между этими полюсами скрывались смятения женщин, которые с одной стороны играли роль хранительниц нарастающего желания внутреннего уединения и индивидуальности бережённей в рамках приватности семьи и дома; с другой стороны эти ценности переносили за его пороги. Стремления к сохранению за ними секретов чувств и тела усиливались, но одновременно становились темой публичных дискуссий. За кулисы публичной жизни передвигали жилое пространство

⁴⁹ *Anatomia biustu*, „Wieś i Dwór” 1914, z. VIII, s. 35.

⁵⁰ С целью их популяризации на страницах газеты «Деревня и Двор» выделено отдел посвящённый спортивной тематике.

⁵¹ Такую физическую активность рекомендовали прежде всего помещицей молодёжи, которая со значительным энтузиазмом отдавалась этим занятиям. Por. M. Niezabitowska, *Składana wanna*, Kraków 2010, s. 316. Продолжительно и стабильно вписались они в воспитательный канон молодого поколения помещиков являющийся областью женщин. Z. Malanowska, *Ze wspomnień z dzieciństwa*, „Wiadomości Ziemiańskie” 2012, nr 50, s. 54.

⁵² H. Prawdzic-Kuczalska, *Sokół żeński i pierwsze w nim gniazdo „Grażyny”*, „Świat Kobiety” 1906, nr 35, s. 374 – 375.

усадеб, чтобы через мгновение его открывать. На фоне этих перемен неизменно присутствовали нерешённые проблемы эмансипации переплетаемые уже не только с борьбой за общественную позицию равноправную с мужчинами, но и достижение духовной независимости, собственной тождественности и автономии.

Ewelina Maria Kostrzevska

MIĘDZY PRYWATNOŚCIĄ A JAWNOŚCIĄ ŻYCIA. ZIEMIANKI KRÓLESTWA POLSKIEGO PRZEŁOMU XIX I XX WIEKU

Ziemianki Królestwa Polskiego z przełomu XIX i XX wieku należały, do wciąż jeszcze elitarnej grupy społecznej, o której chętnie dyskutowano na łamach prasy, wystawiano laurki lub potępiano. Jednocześnie pozostawiły po sobie bogatą bazę źródłową, pozwalającą przyjrzeć się ich prywatnemu, codziennemu życiu. Wyłaniający się ze zróżnicowanych źródeł obraz jest tym ciekawszy, że w omawianym czasie przewartościowaniu uległy granice prywatności i jawności życia, to co prywatne coraz częściej stawało się publiczne. Miłość i ciało plasowały się między tabu a afirmacją. A wszystko to znajdowało odzwierciedlenie w „tańczących ścianach dworu” i rewolucjach budowlanych przeprowadzanych przez panie domu podążające za modą, ale też pragnące zwiększenia komfortu życia i zachowania jego intymności. Przełom wieków XIX i XX z zamykaną epoką wiktoriańską i obecnym modernizmem był czasem chaosu społeczno-obyczajowego i przemian w kulturze, a spojrzenie na świat ziemianek może być jednym z punktów opisu tego procesu.

BETWEEN PRIVACY AND OPENNESS OF LIFE. LANDLADIES OF KINGDOM OF POLAND THE TURN OF THE 19TH AND 20TH CENTURY

Polish Kingdom landladies from the late nineteenth and early twentieth century belonged continually to an elite social group, which was eagerly discussed over in press, written cards about or condemned. At the same time landladies left a lot of information sources behind themselves, allowing to look back at their private everyday life. Emerging from diverse sources, the picture is even more curious because at that time, the boundaries of privacy and publicity of private life, became redefined. Love and body and were placed between taboo and affirmation. All of this was reflected in the “dancing walls of the court” and the revolutions of building constructions carried out by housewives who followed the fashion, but also wished to enhance the quality of life at the same time wanted to preserve their intimacy. The turn of the nineteenth and twentieth centuries, with fading Victorian era and current modernism was a time of chaos and both social and moral and changes in culture and a look at the landladies’ world may be one of the points that describe the very problem.

Słowa kluczowe: historia prywatności, ziemiaństwo XIX/XX w., historia kobiet, kultura materialna – wewnątrz siedziby ziemiańskiej.

Keywords: history of the privacy, landownership in the 19th/20th century, material culture – the inside of the landowner’s property.

BIBLIOGRAFIA**Źródła rękopiśmienne**

Biblioteka Narodowa w Warszawie

Murzynowska ze Skąpskich Z., *Moje wspomnienia*, sygn. akc. 13199.

Źródła drukowane

Górska z Lubieńskich M., *Gdybym mniej kochała. Dziennik lat 1889–1895*, Warszawa 1996.

Kleniewska M., *Wspomnienia*, oprac. W. Włodarczyk, Wilków 2002.

Kozicki S., *Pamiętnik 1876–1939*, oprac. M. Mroczo, Słupsk 2009.

Małanowska Z., *Ze wspomnień z dzieciństwa*, „Wiadomości Ziemiańskie” 2012, nr 50.

Nakwaska K., *Dwór wiejski. Dzieło poświęcone gospodyniom polskim, przydatne i osobom w mieście mieszkającym*, t. 1, wyd. II, Lipsk 1857.

Niezabitowska M., *Składana wanna*, Kraków 2010.

Starowieyska-Morstinowa Z., *Dom*, Poznań 2012.

Prasa

„Świat Kobiocy” 1906

„Tygodnik Ilustrowany” 1910

„Wieś i Dwór” 1912–1914

„Wieś Ilustrowana” 1910

Opracowania

Elias N., *Przemiany obyczajowe w cywilizacji Zachodu*, Warszawa 1980.

Epsztejn T., *Wrona Zakopiańska. Urszula Kołaczkowska (1911–2009) – życie i twórczość*, Warszawa 2012.

Epsztejn T., *Ziemiaństwo w historiografii polskiej po 1989 r. Próba charakterystyki*, [w:] *Aktywność kulturalno-oświatowa mazowieckich ziemian w XIX i XX wieku*, red. B. Umińska, Ciechanów 2007.

Jabłonowska-Ratajska Z., *Walca tańczyłam najlepiej z panien... Karnawałowe anegdoty i zwyczaje*, Warszawa 2012.

Kaufmann J.G., *Ego. Socjologia jednostki. Inna wizja człowieka i konstrukcji podmiotu*, Warszawa 2004.

Klich B., *W poszukiwaniu nowych dróg badawczych „małej historii” – historia życia prywatnego*, „Historyka” 2001, t. 31.

Klich-Kluczevska B., „Przez dziurkę od klucza”. *Historia życia prywatnego z perspektywy źródeł publicznych*, [w:] *Rodzina – prywatność – intymność. Dzieje rodziny polskiej w kontekście europejskim. Zbiór studiów*, red. D. Kałwa, A. Walaszek, A. Żarnowska, Warszawa 2005.

Kobieta i rewolucja obyczajowa. Społeczno-kulturowe aspekty seksualności. Wiek XIX i XX. Zbiór studiów, red. A. Żarnowska i A. Szwarz, t. 9, Warszawa 2006.

Kostrzewska E., *Żony, matki i gospodynie. Wizerunki kreowane na lamach ziemiańskiej prasy kobiecej w Królestwie Polskim na początku XX wieku*, [w:] *Historia. Społeczeństwo. Gospodarka*, red. S. Pytlas, J. Kita, Łódź 2006.

Kowecka E., *W salonie i w kuchni. Opowieść o kulturze materialnej pałaców i dworów polskich w XIX w.*, Warszawa 1984.

Krzyżanowski A., *Dwór Górskich w Woli Pękoszewskiej*, „Wiadomości Ziemiańskie” 2009, nr 39.

Latour A., *Dwa dwory*, „Wiadomości Ziemiańskie” 2012, nr 52, s. 15.

- Łoś S.P., *Ziemianie społecznicy. Z dziejów rodziny Górskich herbu Boża Wola z Woli Pękoszewskiej*, [w:] *Aktywność kulturalno-oświatowa mazowieckich ziemian w XIX i XX wieku*, red. B. Umińska, Ciechanów 2007.
- Markowska M., *W rodzinnym kręgu*, [w:] *Polski dom*, red. W. Zin, Warszawa 1979.
- Melerska H., *Pszczółkowski Józef*, [w:] *Ziemianie polscy XX wieku. Słownik biograficzny*, cz. 4, Warszawa 1998.
- Mędrzecki W., *Intymność i sfera prywatna w życiu codziennym i obyczajach rodziny wiejskiej w XIX i w pierwszej połowie XX wieku*, [w:] *Rodzina – prywatność – intymność. Dzieje rodziny polskiej w kontekście europejskim. Zbiór studiów*, red. D. Kałwa, A. Walaszek, A. Żarnowska, Warszawa 2005.
- Molik W., *Życie codzienne ziemiaństwa w Wielkopolsce w XIX i na początku XX wieku. Kultura materialna*, Poznań 1999.
- Opacki Z., Płaza-Opacka D., *Wstęp*, [w:] *Dom – spotkanie przestrzeni prywatnej i publicznej na tle przemian cywilizacyjnych XIX i XX w. Zbiór studiów*, red. Z. Opacki, D. Płaza-Opacka, Gdańsk 2008.
- Płonka-Syroka B., *Wstęp*, [w:] *Miłość kobiety. Społeczno-kulturowe mechanizmy kreowania miłości, Antropologia miłości*, t. 1, red. B. Płonka-Syroka, J. Radziszewska, A. Szlagowska, Wrocław 2008.
- Schirmer M.K., *Dwory i majątki ziemskie w okolicach Łomży. Wielka własność ziemska w powiecie łomżyńskim ze szczególnym uwzględnieniem założeń rezydencjonalnych*, Warszawa 2007.
- Sieradzka A., *Idealny dwór polski wedle Karoliny z Potockich Nakwaskiej*, [w:] *Dwór polski. Zjawisko historyczne i kulturowe. Materiały VII Seminarium zorganizowanego przez Oddział Kielecki Stowarzyszenia Historyków Sztuki i Dom Środowisk Twórczych w Kielcach, Kielce, 16–18 października 2003*, Warszawa 2004.
- Szklarska-Lohmannowa A., *Rey Mikołaj*, [w:] *Polski Słownik Biograficzny*, t. 31, Wrocław 1988–1989.
- Trzewik M., *Biblioteka projektu Stanisława Witkiewicza w pałacu Kleniewskich w Kluczkowicach*, [w:] *Ziemiaństwo na Lubelszczyźnie. Materiały sesji naukowej zorganizowanej w Muzeum Zamoyskich w Kozłówce 8–9 czerwca 2000*, oprac. R. Maliszewska, Kozłówka 2001.
- Vigarello G., *Czystość i brud. Higiena ciała od średniowiecza do XX wieku*, Warszawa 1996.
- Żarnowska A., *Prywatna sfera życia rodzinnego i zewnętrzny świat życia publicznego – bariery i przenikanie (przełom XIX i XX wieku)*, [w:] *Kobieta i świat polityki. Polska na tle porównawczym w XIX i w początkach XX wieku. Zbiór studiów*, red. A. Żarnowska i A. Szwarz, Warszawa 1994.

Фото 1. «Задумавшаяся» – поиски самой себя в лесном затишьи или модная поза? Источник: «Иллюстрированное Село» 1910.

Фото 2. «В сельском салоне» – встреча частного и публичного пространств в женской картине. Источник: «Иллюстрированное село» 1910.

Фото 3. «Купальное танго» – телесная и чувственная женщина в общественном объективе. Источник: «Село и Усадьба» 1914.